

✦ Политика и общество

Т.Н. САМСОНОВА

О РАБОТЕ Ф.И. ГРИНСТАЙНА «МОЖНО ЛИ СИСТЕМАТИЧЕСКИ ИЗУЧАТЬ ЛИЧНОСТЬ В ПОЛИТИКЕ?» (предисловие переводчика)

Американский ученый, профессор Фред Ирвин Гринстейн (Greenstein, р. 1930) — один из ведущих специалистов в области политической психологии, исследований политического лидерства, института американского президентства — многие годы занимается изучением лидерских качеств крупных политических деятелей. В настоящее время он является руководителем Программы по изучению политического лидерства школы им. Вудро Вильсона Принстонского университета.

Проблема роли личности в политике всегда вызывала и вызывает немалый общественный интерес. Каждый раз, когда в той или иной стране, и тем более, на мировой арене, происходят важные, порой непредсказуемые политические события с далеко идущими последствиями, неизменно возникают вопросы: «Какую роль в этих событиях сыграли те или иные политические деятели? Что было бы, окажись на их месте другие политические фигуры? Какие качества имеют первостепенное значение — социальные или психологические характеристики политика?»

В своих многочисленных трудах Ф.И. Гринстейн приводит убедительные доводы, что взаимоотношения личности и политики сложны и многообразны. Изучение индивидуальных характеристик политиков, считает он, помогает понять многие события и перемены в политической жизни страны и мира в целом, ибо личность способна оказывать большое влияние на политические события. Эта позиция ученого последовательно раскрывается в ряде его работ. Это, например, «Личность и политика: проблемы доказательства, выводов и концептуализации» (1969), «За фасадом президентства: Эйзенхауэр как лидер» (1982), «Как президенты оценивают реальность: решения по Вьетнаму в 1954 и 1965 гг.» (1989, совместно с Дж. Берком), «Различия между президентами: лидерский стиль от Франклина Делано Рузвельта до Клинтона» (2000) и др.

На основе многолетних исследований феномена политического лидерства в США Ф.И. Гринстейн разработал концепцию, определяющую значение личностного фактора в политическом процессе. Роль лидера, утверждает он, становится особенно важной,

когда возникают новые политические обстоятельства, не имеющие аналогов в прошлом; когда ситуация сложна и противоречива; когда есть выбор между разными силами, предлагающими различные политические решения. Именно в таких сложных политических условиях личностные качества лидеров проявляются максимально. Роль личности тем значительнее, чем восприимчивее среда к тому, что предлагает лидер, чем выше его позиция в политической системе, наконец, чем сильнее воздействие его внутреннего «я». Ф.И. Гринстайн подчеркивает важность таких качеств, как, например, способность к межличностному общению, организаторский дар, политическое мастерство, политическое предвидение, когнитивный стиль и эмоциональная устойчивость. Особое место в исследованиях Ф.И. Гринстайна занимает анализ функционирования института президентства США и в этой связи роль Личности президента.

В России, с ее многовековыми традициями авторитаризма, личность политического деятеля всегда имела большое значение. Политическая власть неизменно персонифицировалась. Сегодня у российских граждан есть реальная возможность делать политический выбор. Поэтому и российским политикам, и общественности очень важно глубже и полнее осознать влияние личности на политику государства. На наш взгляд, весьма полезным представляется изучение имеющегося опыта функционирования института президентства США, роли американских президентов с учетом их личностных качеств, в принятии политических решений во внутриполитической жизни и на международной арене.

Читателям предлагается выполненный нами полный перевод статьи Ф.И. Гринстайна «Можно ли систематически изучать личность в политике?» Ранее часть статьи, до раздела «Личность, исторический контекст и социальное происхождение», была напечатана в журнале: Социология власти. 2007. № 3. С. 155-170.

Ф.И. ГРИНСТАЙН

МОЖНО ЛИ СИСТЕМАТИЧЕСКИ ИЗУЧАТЬ ЛИЧНОСТЬ В ПОЛИТИКЕ?*

Введение

Личностные качества политических акторов различными путями влияют на политические события, и зачастую с важными последствиями. Политическая жизнь периодически порождает противоречащие фактам предположения, например: «Если бы Кеннеди был жив, такое-то событие могло произойти/

Гринстайн Фред Ирвин – профессор политологии, директор программы по изучению политического лидерства Принстонского университета (США).

* Перевод выполнен по изданию: *Greenstein F.I. Can Personality and Politics Be Studied Systematically? // Political Psychology. Vol. 13. № 1. 1992. P. 105-128.*

не произойти». Предположения такого рода не проверяются, но многие из них настолько правдоподобны, что даже самый компетентный историк счел бы их убедительными. Многие историки, например, согласятся, что если бы пуля, направленная в феврале 1933 г. против незадолго перед тем избранного президента Франклина Делано Рузвельта, достигла цели, то не было бы Нового курса, или если бы Политбюро избрало в 1985 г. Генеральным секретарем Коммунистической партии Советского Союза не М. Горбачева, а человека, похожего на Л. Брежнева, К. Черненко или Ю. Андропова, то эпохальные изменения в конце 1980-х гг. не произошли бы, или, по крайней мере, произошли бы в другое время и по-другому.

Казалось бы, вполне очевидные последствия многих изменений в руководстве (в том числе не такие важные и в не столь значимых структурах по сравнению с правительствами Соединенных Штатов и Советского Союза), как и множество других политических событий, которые трудно объяснить без учета личностных особенностей акторов, заставляют многих сторонних наблюдателей политики, включая журналистов, поверить, что личность является важным детерминантом политического поведения. Тем членам научного сообщества, которые в силу своих интересов призваны читать журнал под названием «Политическая психология», может показаться трюизмом, что такие непрофессиональные политические наблюдатели правы, и что есть необходимость в систематическом изучении личности и политики. Однако в широком кругу специалистов, изучающих политику, личность и политика пока редко находятся в центре исследования. Вместо этого ученые стараются концентрировать внимание на изучении безличных детерминант даже тех политических событий и последствий, сами участники которых считали, что роль личности важна. Но когда ученые придают большое значение действиям личности, то уделяют внимание изучению рациональных аспектов, а не их личностных характеристик, полагая, что поведение акторов можно вывести из логики самих ситуаций [76, 293-304].

В данном случае мой аргумент заключается в том, что исследование личности и политики возможно и желательно, но неуклонный научный прогресс достижим только при условии осознанного внимания к доказательству, выводу и концептуализации. Выдвигая этот аргумент, я опираюсь на свои прежние работы по проблеме объяснения в политической психологии, вношу изменения и усиливаю некоторые положения, избирательно используя последующие исследования, в частности, особенно активное изучение в последние годы проблем политических познавательных способностей [30; 31]. Мои высказывания строятся на различных дискуссионных мнениях, что нередко затрудняет исследование личности в политике.

Изучение личности в политике, оказывается, порой имеет больше критиков, чем самих исследователей. Отчасти различия обусловлены всего лишь методологическим и эмпирическим рассогласованием во взглядах тех, кто стремится разгадать сложное и весьма разнообразное явление реального мира. Однако самые глубокие разногласия, с точки зрения замысла данного эссе, касаются вопроса о том, насколько *действительно* необходимо изучение личности и политики, и если необходимо, то каков может быть его масштаб.

Оговорки относительно пользы изучения личностных качеств политических акторов делались на том основании, что: 1) политические акторы произвольно распределены по своим ролям, и поэтому значение их личностных качеств «сводится на нет»; 2) политическое действие в большей степени определяется политичес-

ким окружением акторов, чем их личностными качествами; 3) определенный пласт психики, который многие политологи отождествляют с *личностью*, психодинамикой и системой защиты Я, не имеет большого политического значения; 4) социальные характеристики политических акторов важнее их психологических характеристик; 5) индивиды обычно не могут оказывать заметного влияния на политические последствия. При анализе каждое из этих утверждений или несогласие с ним, оказывается, имеет важное концептуальное значение для изучения личности и политики. Спор о масштабах обусловлен неоднозначностью трактовки ключевых понятий «личность» и «политика», и в целях систематического исследования его лучше разрешить до появления возражений и их явного вмешательства.

Вопросы дефиниции

В узком смысле, термин «политика» в словосочетании «личность и политика» имеет отношение к политике, исследуемой политологами, которые изучают государственное управление и неуправленческие процессы, в большей или меньшей степени влияющие на управление, например, политические партии и группы интересов. В широком смысле, этот термин относится к политике во всех ее проявлениях, касается ли это правительства или другого института, включая и те, что редко изучаются политологами, например, семья, школа, место работы. В такой расширенной конструкции в качестве общего знаменателя выступают различные факторы *политики*, включая осуществление власти и влияния и разнообразие искусства межличностного манипулирования, подобно умению торговаться и убеждать, названному термином «политиканство», ни одно из которых не относится исключительно к правительству.

Термин «личность» также имеет узкий и широкий смысл. В узком смысле, который используется в политологии, этот термин не охватывает политические отношения и мнения, а зачастую и другие явления субъективного характера, имеющие политическую природу (например, способность к восприятию идей, связанную с политическим навыком). Он применяется только к неполитическим по характеру личностным различиям или даже к подгруппе психопатологических различий, которыми одержима клиническая психология. Вместе с тем в психологии термин имеет более широкое звучание; по выражению специалиста по теории личности Генри Муррея, это «самый широкий термин в психологии» [67]. Так, психологи М. Брюстер Смит, Джером Брюнер и Роберт Уайт в своем авторитетном исследовании «Мнения и личность» используют оборот, который трудно ожидать от политологов, называя мнения «неотъемлемой частью личности» [79, 1].

Хотя использование терминов – вопрос согласия, и оба определения – узкое и широкое – охватывают достойные изучения явления, это явно семантическое разногласие оказывает большое влияние на предмет исследования ученых. Явные преимущества использования широкого определения давно доказаны Лассуэллом [53, 42-45]. Перспектива, ведущая к расширению политики управления, содействует изучению сопоставимых явлений, одна часть которых может относиться к формальным институтам управления, а другая – нет. Например, Браунинг и Джекобс сравнивали потребность во власти, достижениях и аффилиации, присущие бизнесменам и должностным лицам на самых разных уровнях, которые порождают различные потребности [10, 75-90]. Они обнаружили, что должностные лица никак не относи-

лись к одному психологическому типу, однако между определенными должностными лицами и бизнесменами проявлялись важные черты сходства. Основным принципом заключается в том, что личности присущи специфические потребности к исполнению роли, возникшие в результате предварительного отбора характерных для этой роли черт или же приобретенные уже в процессе ее исполнения.

Распределение индивидов по ролям

Даже если первая оговорка, высказываемая иногда относительно ценности изучения личности и политики — утверждение, что индивиды случайно распределены по политическим ролям и поэтому их влияние сравнительно невелико — подтверждается на практике, эта оговорка ни в коей мере не может служить причиной отказаться от изучения личности и политики. Если представить себе политические процессы как аналоги сложных проводных компьютеров, политических акторов следует рассматривать как основные связующие звенья сети, например, как автоматические выключатели. Если хотите, *важнее* всего было бы знать рабочие характеристики автоматических выключателей, если их операционные способности случайны, когда некоторые могут «спотыкаться» в самое неподходящее время, теряя ценную информацию, а другие не способны действовать быстро, подвергая тем самым систему опасности развала.

В реальном политическом мире события порой более или менее случайно приводят индивидов с непредсказуемым политическим стилем и наклонностями к выполнению политических ролей, часто с ощутимыми последствиями. Так случилось с двумя национальными лидерами, упомянутыми в начале статьи: современники и Ф. Рузвельта, и М. Горбачева не ожидали от этих политиков тех лидерских новаций, которые они проявили на своих постах. Однако, как показывает исследование Браунинга и Джекобса, люди не случайно выполняют политические роли, хотя образцы их распределения кажутся сложными и ускользающими от исследователей. Выявление этих образцов, изучение их политических последствий, а также определение «соответствия» роли и личности — все это важные компоненты повестки дня для научного исследования личности и политики [27, 234-282].

Личность и окружение

Вторая оговорка относительно изучения личности и политики заключается в том, что окружение, по сравнению с личностью, в большей степени оказывает влияние на поведение, и следует учитывать три другие оговорки в контексте общего уяснения разнообразных типов, которые в принципе могут оказывать влияние на личность и политику, а также их возможные взаимоотношения. Важный пример такого разъяснения — это хорошо известная «схема изучения личности и политики» М.Б. Смита [78, 15-28]. (См. также описание «поля политической жизни» в работе У.Ф. Стоуна и П.Е. Шаффнера [82, 33].) Схема, которую я буду использовать [31, 1-92], дана в частях на Рис. 1 и 2 и полностью представлена на Рис. 3.

Самое существенное различие в схеме основано, по выражению Курта Левина, на том, что «поведение или душевное проявление любого рода ... зависит от состояния человека и вместе с тем от окружения» [58, 11-12]. На Рис. 1 показана связь между двумя большими группами — между условиями, предопределяющими поведение, на которые ссылается Левин, и самим поведением, используя терминологию Лассуэлла и Каплана, которые разработали целую концептуальную основу для ана-

Рис. 1. Основные условия, предопределяющие политическое поведение: $E \rightarrow P \rightarrow R$.

лиза политики, признавая, что реакция человека (response – R) является производной от окружения (environment – E) и склонности (predisposition – P): $E \rightarrow P \rightarrow R$ [55, 4-6]. В данном случае терминология опять используется на основе договоренности.

Вместо термина «склонность» можно было бы использовать многие другие из 80 терминов, которые перечислил Дональд Кемпбелл, оценивая логику изучения «сформировавшихся склонностей поведения» [14, 94-172]. Такие термины, как «ситуация», «контекст» и «стимул», являются распространенными альтернативными обозначениями для всего окружения, в котором совершается действие человека, или для части этого окружения.

Формула $E \rightarrow P \rightarrow R$ позволяет выявить ошибки в утверждении, что поведение настолько зависит от окружения, что склонности индивидов не нуждаются в исследовании (вторая оговорка). Фактически индивиды всегда являются посредниками того окружения, от имени которого они действуют; окружение не может напрямую определять поведение, и политически важное действие во многом не является реакцией на непосредственные стимулы. В действительности важнейшим признаком эффективного лидерства является способность быть сверхактивным, выходить за пределы восприятия непосредственного окружения и видеть перспективу [67]. Но споры о том, действительно ли политическое поведение зависит от окружения, напоминают бесконечное взаимодействие индивидов и тех политических условий, в которых они находятся или в которые попадают.

Некоторые условия, действительно, связаны с определенным поведением, которое заставляет социальных детерминистов скептически воспринимать необходимость изучения личности. Любой человек, получив информацию о разрушении здания, независимо от типа темперамента и личности, будет стараться его покинуть. Другие условия описываются афоризмом Гордона Оллпорта: «Одним теплом можно и сварить яйцо, и растопить масло» [3, 325]. Все же другие условия являются своего рода «зрительно воспринимаемыми пятнами», которые позволяют выявить внутренние склонности индивидов с различными характеристиками (см. прим. 1). Связь между личностью и окружением настолько сложна, что стала предметом изучения важного направления в теории личности, известного как интеракционизм [21, 114-151; 60; 71]. Системно изучая личность и политику в терминах интеракционизма, аналитик внимательно исследует разного рода случайные отношения, которые делают связь между личностью и политикой неуловимой.

Хороший пример возможного отношения, при котором влияние личности обусловлено окружением, можно найти в работе Каца и Бенджамина о влиянии авторитаризма в действующих группах, состоящих из представителей двух рас на Севере и на Юге страны [43, 448-456]. Кац и Бенджамин сравнивали белых студентов двух

регионов, которые имели низкие и высокие показатели по одной из шкал определения степени авторитарности личности, чтобы выяснить, как они вели себя в группах при решении межрасовых проблем. Ученые обнаружили, что на Юге авторитаризм, который, как показали предыдущие исследования, связан с расовыми предрассудками, был обусловлен попытками белых студентов доминировать над черными «соперниками», а на Севере склонные к авторитаризму в большей степени, по сравнению с не склонными к нему людьми, относились к черным *уважительно*. Вывод исследователей заключался в том, что социально-политическое окружение склонных к авторитаризму южан способствовало непосредственному выходу их импульсов, в то время как либеральное окружение университета на Севере страны заставляло студентов в какой-то степени отказываться от определенных привычек и тем самым избегать вступать в конфликт с доминирующими нормами.

Соотносительное влияние окружения и личности на политическое поведение может быть разным. Непривычные условия, например, новые ситуации и политические роли, которые лишь в самом общем виде регулируются формальными правилами, позволяют политическим акторам проявлять больше свободы в своем поведении [11, 22-50; 30, 50-57]. В структурах разного рода, например, в бюрократизированных органах и там, где хорошо разработаны, широко распространены и реализованы нормы поведения, свобода ограничена. Вероятно, окружение во многом объясняет и варианты политического поведения, когда к определенным возможным направлениям действия применяются строгие санкции.

Прекращение политических репрессий в Советском Союзе и Восточной Европе в конце 1980-х гг. привело к немалым политическим изменениям. Подобно тому, как при неавторитарном режиме индивиды в группах могут выражать свои личные политические пристрастия, точно так же при авторитарном режиме роль лидеров возрастает. Это означает, что при авторитарном режиме люди, находящиеся на вершине власти, один или несколько человек, обладают в той или иной степени абсолютной властью [83, 555-583]. В авторитарной системе большие возможности лидеров вызывать перемены хорошо проявляются, например, в той свободе действий, которую проявил М. Горбачев, как инициатор гласности и перестройки, но не тогда, когда его начали сбивать с толку самые разные силы.

Насколько сильно различаются условия, которые способствуют выражению индивидуальной изменчивости, настолько же различаются и сами склонности. Существует обширная литература о склонности людей подчиняться группе, в которую они входят, и осознанно или неосознанно подавлять свои взгляды. Но одни индивиды оказывают сильное сопротивление таким ограничениям, а другие отличаются уступчивостью [2, 1-43; 6; 38]. Сила психологических склонностей придает им выразительность. Большинство людей подавляет свои импульсы противостоять авторитарным режимам, но люди с глубокими убеждениями и большой внутренней потребностью к самовыражению или протесту с большей вероятностью противодействуют таким режимам. (Поступая так, они изменяют действительность, оказывая общественную поддержку своим менее стойким товарищам, помогая им присоединиться к себе.)

Психопатологическая и иная политическая мотивация

Один из критериев классификации людей — это степень проявления эмоционального беспокойства и защиты собственного Я. Ставя знак равенства между лич-

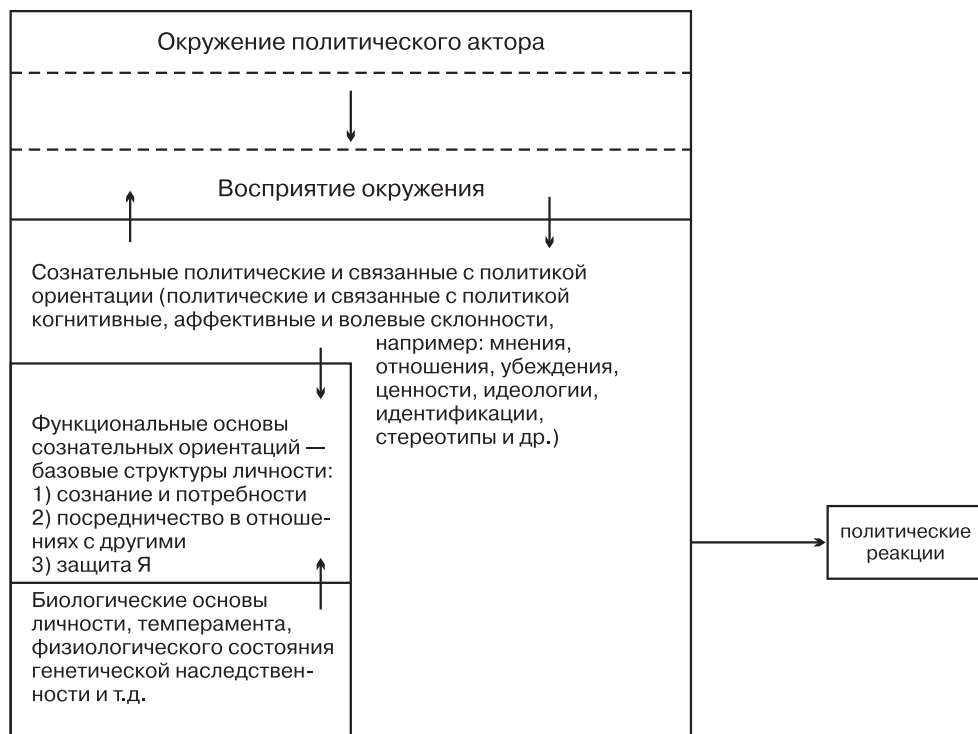

Рис. 2. Склонности политического актора.

ностью и психологической структурой, что традиционно присуще клиническим психологам, некоторые политологи поддерживают третью оговорку относительно исследования личности и политики, утверждая, что связь психопатологии и политики не значительна и не имеет особого значения. Специальное исследование общего вопроса о том, существует ли мотивация защиты Я в политике, можно найти в массиве эмпирического материала о студенческом движении протеста в 1960-е гг. Согласно данным одних исследований, протест был обусловлен «здоровыми» чертами личности, например, внутренней силой противодействия обвинениям и когнитивной способностью противостоять пропаганде. В то же время другие данные свидетельствуют о возможном влиянии разного рода невротических потребностей, которые могли, например, быть обусловлены строгостью родителей или других авторитарных фигур из ближайшего окружения человека.

Чтобы осознать в целом роль психопатологии в политике и непосредственно выявить корни протеста, необходимо доработать формулу $E \rightarrow P \rightarrow R$. В схеме, изображенной на Рис. 2, по сравнению с Рис. 1, дается более развернутое описание личности. Схема построена так, чтобы показать, используя метафорическое выражение, используемое в теории личности, «уровни» функционирования психики [34]. Уровень восприятия находится на поверхности и более «непосредственно» соприкасается с окружающей средой. Восприятие следует рассматривать как познавательный экран, который формирует и структурирует стимулы окружающей среды, то раз-

рушая, то отражая их с определенной достоверностью. В 1970–80-е гг. проводились весьма масштабные исследования политического восприятия и когнитивной психологии [39; 40; 56; 86]. На поверхности находятся также, в том смысле, что они осознаны или доступны сознанию, и такие политические ориентации, как отношения, убеждения и суждения. На этом уровне психологи обычно рассматривают склонности как компоненты более фундаментальных процессов когнитивного плана (мышление), аффекта (эмоция) и способности к волевому действию (склонность к действию).

На Рис. 2, в той части схемы, которая называется «функциональные основы сознательных ориентаций» или, используя более или менее близкие понятия, «основные структуры личности», показан уровень психической активности, который часто имеют в виду политологи, когда говорят о личности. Представители разных теорий личности подчеркивают значимость различных базовых структур личности, но многие исследователи выделяют (используя различную терминологию) три больших класса внутренних процессов, порожденных мышлением и восприятием, эмоциями и их управлением, включая чувства, которые могут особенно не осознаваться личностью и быть обусловленными ее отношением к супругу/супруге. Для описания этих процессов на Рис. 2 использованы и такие термины, как «осознание», «защита Я» и «опосредованные отношения личности с другими лицами». На Рис. 2 представлена также часть схемы, где уточняется генетическое и требуемое физическое состояние, которое помогает личности и проявляется в политическом поведении [63; 70].

И общий вопрос о том, проявляется ли психопатология в политическом поведении, и частный вопрос о мотивации политических выступлений можно осветить с помощью Рис. 2. Одно из направлений размышления о политических отношениях и поведении предполагает учет функций, которые служат личности, отсюда и использование словосочетания «функциональные основы сознательных ориентаций» [73; 79]. Что на поверхности может казаться тем же убеждением или видом действия, способно выполнять различные функции в структуре мотивации различных людей. У одного человека определенное мнение, например, положительный или отрицательный расовый стереотип, может быть результатом полученной из окружающей среды информации, в значительной степени содействуя потребности положить конец размышлениям. У другого человека мнение может быть обусловлено потребностью в поддержке супруга/супруги или стремлением быть независимым от него/нее. У третьего человека мнение может быть функцией самозащиты для выхода непризнанных агрессивных импульсов. (Вероятно, чаще всего политическое поведение обусловлено не одной мотивацией, но у разных индивидов — в различном сочетании.)

Сфера психопатологической и иной мотивационной основы политических ориентаций нуждается в эмпирическом исследовании. Подобно тому, как некоторые условия окружающей среды в целом обеспечивают личности свободу действий, некоторые из них особенно подходят для выражения самозащиты. Они включают стимулы, воздействующие на мощные эмоциональные импульсы, которые обычно людьми отрицаются, однако, в неявном виде, эти импульсы активно действуют. Это касается, прежде всего, провокационных по характеру политических споров, связанных с сексуальными проблемами, такими, как аборт и порнография. Затрагивающие национальные чувства предметы спора, подобно сожжению флага и содержанию религиозных доктрин, тоже вызывают политические чувства, причины которых не получили адекватного объяснения [18]. Экстремистские формы поведения,

вероятно, хотя и не наверняка, имеют патологическую основу, примером может служить поведение людей, покушавшихся на американских президентов, подобно Джону Хинкли-мл., который совершил нападение на Рональда Рейгана [16].

Большой интерес вызывают как условия, при которых в политике проявляются психопатологические и не столь серьезные отклонения, так и условия, при которых вступают в действие другие мотивационные основания политического поведения. Различия, зависящие от базовых систем личности, которыми обусловлен определенный аспект политического действия, возможны как в условиях, при которых действие может осуществляться и изменяться, так и в более конкретных формах своего проявления. Мнения и действия, основанные на потребностях познания, будут соответствовать новой информации. Те, что обусловлены социальными потребностями, будут соответствовать изменениям в поведении и сигналам, исходящим от супругов/супруг. Основанные на защите Я мнения и действия могут быть неподатливыми, подвергаться изменениям лишь в силу больших усилий добиться проникновения в самую суть или же только под воздействием определенных манипуляционных действий, подобно указаниям властных фигур [42, 163-204].

Функциональный подход в изучении политических ориентаций позволяет определить, действительно ли и при каких условиях политический протест обусловлен потребностями защиты собственного Я. Есть немало подтверждений этого, по крайней мере, к ним относятся студенческие протесты. В США и других странах было проведено немало эмпирических исследований студенческой деятельности протеста конца 1960 – нач. 70-х гг., поскольку она проявлялась в условиях, доступных для исследования множеству ученых-обществоведов. Была опубликована обширная литература, содержащая противоречивые, на первый взгляд, данные, многие из которых, как оказалось, стали частью весьма убедительной и более развернутой модели, если учитывать разнообразие институтов, изучавших протест, и определенные периоды студенческого протеста конца 1960 – нач. 70-х гг., когда и проводились различные исследования.

Самые ранние студенческие волнения 1960-х гг. начались в колледжах и университетах, где действовала меритократическая политика приема студентов, принадлежавших к верхнему слою среднего класса. Первые исследования этого периода, например, изучение студентов Чикагского университета Флэксом, показали, что студенческий протест в значительной степени носил осознанный характер, он был реакцией способных студентов на несправедливость политического окружения [23, 52-75]. Впоследствии анализ данных, полученных в тот же период при исследовании подобной группы (студенты Калифорнийского университета, Беркли), выявил более сложную картину. Некоторым активистам, видимо, были присущи эффективность мышления и озабоченность, что, по утверждению Флэкса, отличало их *всех*, а у других активистов проявлялись потребности в защите, обусловленные протестом против сложных отношений «родители-дети». Студенты, которым, согласно более поздним исследованиям, была присуща мотивация самозащиты, и те, кто, как выяснилось, действовали исходя из когнитивных потребностей, проявляли различные образцы протестного поведения: первые нацеливались только на проблемы национальной и международной политики, вторые участвовали в деятельности, направленной на решение местных проблем [8, 143-177].

Со временем психологические корреляты студенческой активности в Соединенных Штатах менялись, поскольку активность небольшого круга студентов «элитных»

Рис. 3. Обобщенная схема для анализа личности в политике.

университетов превратилась в распространенную форму поведения, которая во время вторжения в Камбоджу в период администрации Никсона и убийства протестующих студентов в Кентском государственном университете охватила кампусы практически всех американских колледжей и университетов. Проводившиеся в то время исследования не выявили характерных особенностей протестующих [20, 171-181; 72].

Личность, исторический контекст и социальное происхождение

Различения, касающиеся исторического контекста и изменений во времени, настолько важны для уяснения того, как личность вовлекается в политику, что необходимо расширить схему, предложенную в данной статье, как показано на Рис. 3, где отражено измерение времени и выделены непосредственные и отдаленные черты политического окружения.

На Рис. 3 показано, что четвертое возражение относительно пользы исследования личности и политики — утверждение, что социальное происхождение важнее психологических характеристик — вызвано путаницей, которую легко устранить. Социальное происхождение политических акторов (позиция 2 на Рис. 3) влияет на их действия, но только как промежуточное звено между развивающимися склонностями индивида (позиция 3) и различными уровнями личности, которые они формируют (позиции 4, 5 и 6). Так, если взять последний пример из литературы о студенческих протестах 1960-х гг. [8, 143-177], то было ошибочным утверждение Липсета, что поскольку очень многие студенческие активисты были евреями, выходцами из среднего класса, то личностные качества не являлись важными детерминантами их активности [59]. В той степени, в какой еврейское происхождение было связано с активностью, оно должно отчасти обуславливать случайную взаимосвязь, в которой разворачивающаяся деятельность евреев влияла на их психологические ориентации. Связующим звеном поведения были бы ориентации, а не еврейское происхождение, как таковое.

Изучение влияния этнических, классовых и других так называемых характеристик происхождения на политическое поведение очень важно и имеет прямое отношение к изучению личности и политики, однако не заменяет его. В той степени, в какой эти «характеристики» становятся частью личности актора, они уже не просто характеризуют «происхождение», а становятся частью психики. Но доказательство того, что прошлый опыт отличает членов одной социальной группы от тех и других, является предметом изучения для политических психологов. Может быть, прав Липсет, считая, что в 1960-е гг. у политических активистов-евреев были определенные отличительные особенности, важные для их поведения. Наблюдение, что многие протестующие студенты были евреями, не только не доказывает это, но и препятствует систематическому исследованию.

Соответствующая программа исследования выдвинутого С. Липсетом утверждения повлекла бы за собой уточнение определенной психологической динамики, которая явно отличает протестующих евреев и сравнивает участников протеста, как евреев, так и не-евреев, с сопоставимыми группами тех, кто в волнениях не участвовал, чтобы определить, работают ли предложенные образцы. Если да, хочется знать, являются ли они результатом определенных развивающихся историй, есть ли предсказуемые для политического поведения последствия, и почему часть евреев участвовала в протестах, а часть – нет. Существует ли особая еврейская психология политического протеста – это связанный с практикой вопрос, и он является частью более широкого круга вопросов, которые можно поставить, чтобы выяснить, как групповое участие влияет на личность и политическое поведение.

Влияние личности на события

Последнее замечание относительно изучения личности и политики обусловлено мнением, что отдельные личности, видимо, не оказывают заметного влияния на события. Эту посылку подтверждают многие теории исторического развития. В XIX веке вопрос о том, влияют ли политические акторы на события, был предметом большого безрезультатного спора. В нем участвовали такие социальные детерминисты, как Герберт Спенсер, который отрицал значение исторических акторов, и такие создатели теории «великого человека», как Томас Карлейль, провозгласивший непреходящее значение выдающихся личностей [44, 3-57]. Современные теоретики лидерства обычно относят себя к интеракционистам, подчеркивая взаимозависимость лидеров и их окружения и обусловленную обстоятельствами степень влияния лидера на значимые события [13; 85].

Споры о том, действительно ли акторы могут оказывать влияние на события, касаются причинной связи между личностью (позиции 4-6 на Рис. 3) – посредством политической реакции (позиция 9) – и будущим состоянием непосредственного и более отдаленного политического и социального окружения. Утверждение, что личность определенного актора влияет или не влияет на определенное политическое последствие, обычно является утверждением о *необязательности действия* и *необязательности актора* – т.е. о том, произойдет ли событие при бездействии этого индивида, и сможет ли предпринять такие же действия оказавшийся на этом месте [другой] актор [30, 40-46]. Второй вариант я уже анализировал под заголовком о личности и окружении. Первый вариант нуждается в уточнении.

Актеры обладают разными способностями влиять на события. Источники разнообразия аналогичны детерминантам успеха при игре в пул. Число шаров, которое может бросить игрок, отчасти зависит от расположения шаров на столе. Аналогия в политике — изменчивость политического окружения [12, 24]. Вторая детерминанта успеха в помещении для игры в пул — положение кия. Это аналогично положению актора в сравнительном политическом контексте. Ф. Рузвельт и М. Горбачев не могли бы оказывать влияние, находясь внизу административной лестницы. У третьего класса переменных — одни и те же качества, важные при игре в пул и в политической игре: навыки, уверенность и другие личностные качества, необходимые для успешного действия.

Теория личности, роль, культура

Различения, резюмированные на Рис. 3, отражают многие базовые категории различных теорий личности, в которых дается своя трактовка структуры и функций психики. Подлинный Вавилон соперничающих теорий личности и альтернативных типов терминологии выявляет принципиальное сходство: все теории неизменно обращают внимание на то, что люди — это думающие, чувствующие существа, которые находятся в социальном окружении и обладают внутренними качествами, которые обуславливают их реакцию на эту действительность.

Однако, теории личности отличаются друг от друга тем, на чем акцентируется особое внимание. Теоретики персонализма — Фрейд, Юнг, Оллпорт, Муррей и многие другие — различаются тем, в какой степени они подчеркивают значение одной группы мотиваций перед другой, какое внимание уделяют роли среды, окружающей индивида, тем значением, которое придают биологии, тем масштабом, в котором они рассматривают личность как структуру, и по многим другим аспектам. Для наших целей нецелесообразно рекомендовать определенную теорию личности. Совет Холла и Линдсея, данный всем изучающим личность, также подходит и изучающим личность и политику. После общего ознакомления с проблемами личности погрузитесь в определенную теорию личности и «барахтайтесь в ней, упивайтесь ею, впитывайте ее, изучите ее до конца и думайте, что это лучший из возможных путей постижения поведения». Однако «в глубине сознания помните, что для всякой теории серьезное конечное испытание — это реальный мир, изучаемый при контролируемых условиях». Затем «приступайте к беспристрастному, напряженному исследовательскому труду» [34, 602].

Рис. 3 не дает исследователю политической психологии четкого представления о двух важных понятиях — «роль» и «культура». В чем их концептуальное значение? Первый термин регулярно появлялся в данной статье. В политической психологии трудно найти продолжительную дискуссию, в которой не учитывался бы способ выполнения политическими актерами их ролей, а также соотношение роли, личности и связанных с ними явлений. Тем не менее, как показывает Левинсон, значение термина «роль» постоянно меняется [57, 170-180]. Иногда этот термин используется со ссылкой на само поведение (Рис. 3, позиция 9), как в высказывании «Его роль в Кубинском ракетном кризисе была велика». Порой термин относится к ожиданиям в окружении индивида относительно того, какое поведение подходит кому-либо, занимающему положение этого индивида, и в таком случае эти компоненты можно будет изобразить в позициях 7 и 8 на Рис. 3. А иногда термин имеет отношение к

предположениям самого исполнителя роли о том, к каким последствиям она ведет (позиция 5). Если смысл термина уточнен, исследователь может использовать его в любом из этих смыслов, все зависит от его теоретических допущений и интересов. Действительно, сам факт признания многообразия значений может привести к плодотворной гипотезе, например, о том, действительно ли и в каких пределах исполнители определенных ролей и индивиды, с которыми они контактируют, разделяют мнение о том, что влечет за собой роль.

Если термин «роль» неоднозначен, то многозначность термина «культура» переходит все границы [49; 66]. Простым решением было бы рассматривать этот термин в качестве дополнения на общественном уровне к термину «личность» на индивидуальном уровне. Если термин «личность» используется как обобщающий, охватывающий различные элементы субъективности индивида, то термином «культура» можно было бы обозначить элементы коллективного уровня применительно к обществу, государствам и меньшим по масштабу общностям. На Рис. 3 это значение было бы представлено характеристиками окружающей среды (позиции 7 и 8). Такое использование, однако, не допускает многозначности терминов, подобно термину «аккультурация», который описывает приобщение личности к культурным нормам и предположениям. И было бы попыткой обходным путем решить проблемы, что делает культуру таким многозначным термином, например, споры о том, действительно ли культуры различаются по своей структуре, и какого рода ориентации являются или не являются частью культуры. (Если этот термин является просто синонимом общественного мнения, то это слишком.) Как и в случае с термином «роль», здесь, видимо, нет однозначного применения, которое требует согласия. Поскольку различные употребления относятся к разным (и во многих случаях потенциально интересным) явлениям, исследователям важно определить смысл использования этого термина.

Типология личности и анализ политики

Каждый человек в определенном отношении похож на всех остальных людей, в каком-то отношении — больше на одних, чем на других, а в некоторых отношениях — уникален [47, 53-67]. Каждое из этих сходств отражено в специфическом с точки зрения аналитики исследовании личности и политики. Универсальность человеческих качеств исследуется в работах, где предпринимаются попытки в широком смысле рассмотреть то, что имеет отношение к теме, сформулированной в названии работы Г. Уоллеса «Человеческая природа и политика» [88]. Большой вклад в эту традицию внесли труды З. Фрейда «Цивилизация и ее недостатки», Э. Фромма «Бегство от свободы», Н.О. Брауна «Жизнь против смерти» и Г. Маркузе «Эрос и цивилизация» [24; 25; 9; 61]. Работы такого рода рисуют в высшей степени захватывающую и возбуждающую перспективу изменения общественных условий. Во многих из них немало озарений, которые предполагают проверяемые гипотезы.

Поскольку такие попытки постоянно нацелены на объяснение разнообразных феноменов политического поведения, сами по себе они не являются предметом подтверждения или нет. Напротив, можно *действительно* проводить систематические, повторяющиеся исследования индивидуальных качеств политических акторов (*анализ конкретного явления*) и качеств, которые делают их больше похожими на других индивидов (*типологический анализ*). Необходимо также систематически

изучать пути влияния индивидуальной политической психологии и психологии типов характеров на осуществление политических процессов и деятельность институтов (*агрегирование*).

Анализ конкретной личности гораздо важнее в сфере изучения личности и политики, чем в персонологии в целом, поскольку изучающие политику имеют дело с деятельностью конкретных лидеров и их влиянием на события. В рамках темы «личность в политике» были проведены интересные исследования таких разных по времени, культуре и условиям проявления своих лидерских качеств фигур, как Мартин Лютер, Людовик XII, Вудро Вильсон, Кемаль Ататюрк, Иосиф Сталин, и многие др. [22; 62; 29; 87; 84]. Был проведен также конкретный психологический анализ фигур, политическое значение которых было обусловлено их влиянием на лидеров, — это, например, исследование А.Л. Джорджем и Дж.Л. Джорджем влияния полковника Эдварда Хауза на Вудро Вильсона и изучение С. Куллем советников по вопросам безопасности [29; 50]. Кроме того, в области изучения личности и политики существует традиция индивидуального исследования «людей из толпы» — людей, которые не обладают влиянием, но служат яркой иллюстрацией психологического процесса, который поверхностно можно изучить путем опросов [74; 79; 52].

В перспективе типологическое исследование политических и других акторов имеет огромное значение: если политические акторы подпадают под типы с известными характеристиками и склонностями, вновь встает сложная задача их исследования и уменьшения неопределенности относительно того, как они поведут себя в определенных условиях. Следует расширить понятие психологического *типа*, чтобы учесть все варианты распределения политических акторов по категориям и сравнить их психологию, включая даже всеохватывающую классификацию населения с точки зрения того, насколько сильно у них проявляются такие признаки, как сила собственного Я, самооценка или терпимость к неоднозначности. Наиболее полные политико-психологические типологии напоминают диагностические категории в медицине и психиатрии. Они определяют синдромы — образцы наблюдаемых признаков, которые отражают скрытые тождественные условия, обусловленные конкретными развивающимися историями, и имеют предсказуемые последствия.

Среди множества исследований, предлагающих первый, простой тип психологической классификации, особенно ценны, в силу их теоретической и методологической четкости, а также важности рассматриваемых в них вопросов, исследования Герберта Маклоски и его учеников [19, 1054-1073; 64, 51-109; 65; 80]. Типологии политических личностей второго, более сложного типа восходят, по крайней мере, к предпринятой Платоном в восьмой и девятой книгах «Республики» оценке аристократа, демократа, тимократа (см. прим. 2) и тирана — политических типов, которые, как считал Платон, формируются в ходе конфликта поколений, восстания сынов против пороков их отцов. (См. комментарий Лассуэлла к платоновскому описанию [54].) Современные типологии, которые привели к появлению обширной литературы — это классификации авторитарной, догматической и макиавеллистской личности [1; 15; 75].

В политологии наиболее известной типологией личности является разработанная Джеймсом Дэвидом Барбером классификация структуры характеров американских президентов [7]. В психологии самая известная — типология авторитарной личности. Обе типологии породили методологические споры, что могло, по крайней мере, на время, помешать уяснению истины в тех работах, где они изначально изла-

гались, но в обеих типологиях есть важные догадки, что может, в конце концов, стимулировать накопление немалых знаний [27, 234-282; 46].

Это возможно даже после долгого затишья – примером может служить запутанная история изучения авторитаризма. К концу 1960-х гг. огромный поток литературы, где использовался этот конструкт, казалось, иссяк. Но в 1980-е гг. простая и четкая программа исследования Алтмейера дала убедительное эмпирическое подтверждение, что исходный конструкт авторитарности верно описывает важный, регулярно повторяющийся политико-психологический признак – существование в некоторых индивидах внутреннего настроя, предрасполагающего их уступать властным фигурам [4; 5].

Конкретные случаи, а также типологические исследования позволяют сделать заключение о внутреннем качестве людей (позиции 4,5 и 6) исходя из внешних проявлений – их прошлого и настоящего окружения (позиции 1, 2, 7 и 8) – и через какое-то время представить образец их политических реакций (позиция 9). Затем полученные в результате конструкты используются для анализа того же типа явлений, из которых они выводятся, – реакции в ситуационных контекстах. Опасность круговорота очевидна, но повторения следует избегать, переориентируя личность от некоторых типов реакций и используя эту переориентацию для объяснения других типов.

Неудачи некоторых исследователей, как и широкое распространение других определенных видов практики, обуславливают противоречивый характер литературы по проблемам личности и политики. Например, некоторые биографы, вместо предложения систематической оценки поведения объектов своего изучения в совершенно иных условиях, ставят им определенный «диагноз» [26]. Одни специалисты по проблемам типологии распределяют объекты своего изучения по типам, предвзвешенно не выделяя четкий критерий и не обосновывая его. Другие исследователи, изучающие личностей и типологии, занимаются ошибочным наблюдением за образцом поведения и простым приписыванием его определенному развивающемуся образцу, без выявления причинной связи и, возможно, даже без подтверждения того, что этот образец существует. Наконец, часть аналитиков совершает то, что можно назвать ошибками психологизации и клинитизации: они объясняют поведение свойствами самой личности без учета возможных ситуационных детерминант или заключают, что поведение обусловлено психопатологией без учета других психологических детерминант, таких, как сознание. Обе ошибки прослеживаются в потоке литературы, где по шкале определения паранойи, согласно Миннесотскому многомерному опроснику для изучения личности, бедным чернокожим американцам и другим меньшинствам приписываются высокие показатели склонности к эмоциональному беспокойству. В действительности, показатели отражают осознанные отклики на тяжелые условия проживания в гетто [33, 386-402; 68, 176-185].

Неудивительно, что в некоторых исследованиях темы «личность и политика» прослеживаются методологические изъяны. Некоторые выводы, показанные на Рис. 3, содержат внутренние противоречия. Утверждения относительно детерминант характеристик личности (это касается связей между позициями 1 и 2 и позициями 3-6) вряд ли окончательны. Сами характеристики структур личности никогда не бывают до конца убедительными, хотя бы из-за отсутствия признанных всеми теорий личности с общепринятой терминологией. К счастью, изображенные на Рис. 3 переносные, которые *следует* оценивать с большим доверием, – это самые доступные и

потому наиболее предсказуемые переменные поведения. Это окружение, в котором происходит политическое действие (позиции 7 и 8), и образцы, которые проявляются в поведении через некоторое время (позиции 9, 10). Эти образцы сами являются переменными, и их следует рассматривать как индикаторы последующего важно-го «измерения» личности в политике — *политического стиля*.

Два примера политических биографий, в которых дана впечатляющая, исчерпывающая характеристика образцов поведения объектов изучения — это исследование Дж. Уолтера о премьер-министре Австралии Гофе Уитлэме и М. Ландиса о сенаторе Джозефе Маккарти [89; 51]. Исследование Ричарда Кристи о типах людей, которых отличает макиавеллистский синдром, т.е. присущая им склонность манипулировать другими, предлагает модель тщательного измерения и теоретически обоснованного анализа, при котором тщательно исследуются возможные отношения [15]. Люди, проявляющие высокие показатели при тестировании на макиавеллизм, во всех прочих условиях не отличаются своим поведением от других, за исключением условий, когда их склонности к манипулированию должны быть эффективными, например, в ситуациях, допускающих импровизацию и там, где требуется общение лицом к лицу.

Большинство политологов интересуется личностью, вероятно, только тогда, когда она в совокупности оказывает влияние на политические институты, процессы и результаты. Литература, в целом описывающая влияние на политику, разнообразна, поскольку различаются и процессы агрегирования. Обобщая, можно сказать, что политическая психология влияет на функционирование политических систем и протекание процессов посредством деятельности представителей общественности, путем обсуждения и принятия решений лидерами. Влияние масс на политику, помимо выборов и глубоких изменений общественного мнения, невелико и с трудом поддается исследованию. В то же время, политическое влияние лидеров и других политически активных членов общества в основном носит непосредственный, открытый характер и потенциально имеет большое значение.

Первые попытки понять массовую психологию восходят к оценкам, которые древние авторы, подобно Тациту, давали характеру жителей далеких племен и народностей. Такие исследования предшествовали появлению после Второй мировой войны вызывавшей раздражение литературы о национальном характере, в которой часто использовались плохо документированные этнографические данные и культурные артефакты, подобно наставлениям поддерживать головку у детей, фильмам и массовой литературе, которые использовались для выработки широких обобщений о чертах национального характера. Эта литература известна исследователям политики в силу ее методологических недостатков, но она предшествовала более систематизированному изучению политической культуры [37; 36].

К 1950-м гг. ученые пришли к согласию, что неуместно приписывать массе населения психологические характеристики лишь на основе эпизодических и косвенных данных. Основным способом непосредственного изучения массового населения стали опросы. Исследования, подобные тем, что были проведены Маклоски и его сотрудниками, дали представления о таких присущих личности базовых процессах, как самозащита и когнитивный стиль, а также об их влиянии на политическое мнение. Но основные направления развития личности не были убедительно связаны с таким аспектом массового поведения, который наиболее четко и заметно влияет на политические институты и процессы, а именно: электоральный выбор. Боль-

шинство населения, как выясняется, мало участвует в избирательной политике, чтобы эти избирательные предпочтения отражали глубокие психологические корни, а многие из тех, кто вовлечен в эту политику, оказывается, ориентируются на партийную идентификацию, сформировавшуюся у них в ранние годы и под влиянием непродолжительных ситуационных стимулов.

Если то, что обычно понимают под личностью, не связано с электоральным выбором, то это, скорее всего, политическая психология убеждений. Литература об электоральном выборе слишком обширна, чтобы ее здесь рассматривать, но исследование Келли представляет в этом отношении определенный интерес, поскольку оно носит обобщающий характер [69; 45]. В этом исследовании четко выявлено распределение отношений и убеждений относительно проблем и кандидатов, которые имели отношение к последствиям американских выборов, проводившихся после Второй мировой войны. Можно упомянуть также исследование Конверса и Пирса, которые убедительно показали взаимосвязь определенных черт французской политической системы с отличительными особенностями в ориентациях национального электората на политические партии [17].

В отличие от неясной связи между политическими последствиями и поведением населения, если не считать выборы, существует прямая и ощутимая связь между политическими последствиями и людьми, принимающими политические решения. Тем не менее, зачастую при исторической реконструкции процесса принятия политических решений недостаточно четко определялось, какие акторы действовали, в каких конкретных условиях и с какими последствиями. Иногда исторические записи не содержат соответствующих данных. Однако часто трудность обусловлена не записями, а способом их анализа.

Вопросы, на которые должны ответить аналитики относительно исторической записи, подсказаны двумя указанными выше аналитическими различиями — *необязательность действия* и *необязательность актора*. Установление того, действительно ли необходимы действия индивида для достижения определенного результата, требует иной, более сложной реконструкции, которая ставит вопрос, действительно ли обстоятельства, в которых находится актер, заставят действовать в том же направлении всякого, кто мог бы занять данное положение. Это требует исследования не только психологии данного индивида, но и исторического контекста, включая других важных акторов и присущие им цели, потребности, восприятия и личностные качества.

Хороший пример исторической реконструкции, нацеленной на решение обеих задач, — это анализ А.Л. Джорджем и Дж.Л. Джорджем роли Вудро Вильсона во время кризиса по ратификации Версальского договора. Сильные, непреклонные качества Вильсона как человека, по крайней мере, в конфликтах определенного рода, были важным компонентом при любой оценке борьбы за ратификацию. Есть немало свидетельств, что политические условия не навязывали Вильсону направление действий, удерживая его от достижения поставленной им цели ратификации. От него требовалось только принять определенные номинальные соглашения, на которых настаивали сторонники Вильсона, утверждая, что соглашения не имеют практического значения. Более того, для объяснения результата необходимо было учитывать действия Вильсона. Сторонники Вильсона были настроены на предпочтительную ратификационную ноту, но не были готовы к действию, пока он не отдаст им распоряжение принять подготовленную умеренную формулировку. Он отказался это сделать.

Логика объяснения предположений о том, насколько в каком-либо случае закономерны действия и качества индивида, противоречит фактам. Есть только одна подходящая альтернатива количественному анализу в исследованиях отдельных событий, которая потребует в том случае, если есть данные о большом числе сопоставимых эпизодов. Противоречащее фактам размышление не поддельное, но оно должно быть систематическим. Чтобы быть таковым, оно должно быть четким и нацеленным на обязательные вопросы, а не на загадки о возможных случайностях. «Необходимо ли было действие Линдона Джонсона для эскалации американских войск во Вьетнаме в 1965 г.?» – вот пример вопроса, который поддается исследованию [12]. «Как изменилась бы мировая история, если бы нос у Клеопатры был длиннее на дюйм?» – это пример вопроса, который исследованию не подлежит.

Личность и политическая психология в большинстве случаев влияют на политические процессы не только в силу действий, более или менее произвольно принимаемых лидерами, но посредством групповых процессов, подобно коллективной оценке реальной действительности, проявляющейся в том, что И. Дженис охарактеризовал как групповое мышление [38]. Оно проявляется в сплоченных группах при принятии решений. Члены таких групп иногда настолько доверяют своим коллегам, что более или менее бессознательно забывают о своих критических способностях, стремясь сохранить гармонию в группе. И. Дженис, тщательно разработав критерий, позволяющий определить, действительно ли группа вовлечена в групповое мышление, анализирует число исторических эпизодов (самый поразительный пример – эпизод, связанный с Заливом Свиней (см. прим. 3)), когда ошибки в процессе принятия решения привели к тому, что люди, способные принимать правильные решения, как оказалось, приняли решения на основе неудачных предложений и неполной информации. В той степени, в какой групповое мышление является чисто коллективным феноменом, результатом группового взаимодействия, оно является проявлением социальной психологии, а не психологии личности. Однако, как показывает И. Дженис, личность, возможно, вносит вклад в групповое мышление, и при этом некоторые личности, вероятно, в большей степени, чем другие, отказываются в группе от своих критических способностей.

Заключительные замечания

Политические институты функционируют, и процессы осуществляются посредством деятельности людей. Хорошо, если бы они *не* зависели от качеств, отличающих одного индивида от другого. Исследуя это влияние, я подчеркиваю логику исследования. Делая это, я не стремился дать широкий обзор литературы. Для ознакомления с полезными обзорами и компендиумами читатели могут обратиться к работам Ф.И. Гринстайна и М. Лернера, Дж.Н. Кнутсона, В.Ф. Стоуна, М.Дж. Херманн и Д.К. Саймонтона [32; 48; 81; 35; 77].

В той степени, в какой эта статья выявляет возможные трудности в исследовании личности и политики, ее послание осторожным ученым, *по-видимому*, может заключаться в следующем: Найдите поле, которое легче возделывать. Даже смелые ученые могут заключить, что перспективы систематического изучения личности и политики – слишком отдаленные, чтобы оправдать расходование своего времени и усилий. В данной статье ничто не поддерживает этой точки зрения. В притче о пороках (недостатках) научного оппортунизма Каплан ссылается на историю о пьянице,

который потерял в темноте ключи и начал искать их под уличным фонарем, приговаривая: «Здесь светлее» [41, 11, 16-17]. Поиски пьяницы — плохой пример. Если отношения между личностями политических акторов и их политическим поведением неясны, тем больше основания их раскрыть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Adorno T.W., Frenkel-Brunswick E., Levinson D.J., & Sanford R.N. The Authoritarian Personality. N.Y., 1950.
2. Allen V.L. Social Support for Nonconformity // Advances in Social Psychology. 1975. 8.
3. Allport G.W. Personality: A Psychological Interpretation. N.Y., 1937.
4. Altemeyer B. Right-wing Authoritarianism. Winnipeg, 1981.
5. Altemeyer B. Enemies of Freedom: Understanding Right-wing Authoritarianism. San Francisco, 1988.
6. Asch S.E. Studies of Independence and Conformity: A Minority of One versus a Unanimous Majority // Psychological Monographs. 1956. 70. 9. Whole № 406.
7. Barber J.D. The Presidential Character: Predicting Performance in the White House. 3d ed. Englewood Cliffs, NJ, 1985.
8. Block J.H., Haan, N., Smith M.B. Socialization Correlates of Student Activism // Journal of Social Issues. 1969. 25.
9. Brown N.O. Life against Death. Middletown, CT, 1959.
10. Browning R.P., Jacobs H. Power Motivation and the Political Personality // Public Opinion Quarterly. 1964. 24.
11. Budner S. Intolerance of Ambiguity as a Personality Variable // Journal of Personality. 1962. 30.
12. Burke J.P., Greenstein F.I. How Presidents Test Reality: Decisions on Vietnam, 1954 and 1965. N.Y., 1989.
13. Burns J.M. Leadership. N.Y., 1978.
14. Campbell D.T. Social Attitudes and Other Acquired Behavioral Dispositions // Koch S. (Ed.) Psychology: A Study of a Science. Vol. 6. N.Y., 1963.
15. Christie R., Geis F.L. Studies in Machiavellianism. N.Y., 1970.
16. Clarke J.W. On Being Mad or Merely Angry: John W. Hinkley Jr. and Other Dangerous People. Princeton, NJ, 1990.
17. Converse P.E., Pierce R. Political Representation in France. Cambridge, MA, 1986.
18. Davies A.F. Skills, Outlooks and Passions: A Psychoanalytic Contribution to the Study of Politics. Cambridge, MA, 1980.
19. Di Palma G., McClosky H. Personality and Conformity: The Learning of Political Attitudes // American Political Science Review. 1970. 64.
20. Dunlap R. Radical and Conservative Student Activists: A Comparison of Family Backgrounds // Pacific Sociological Review. 1970. 13.
21. Eandler N.S. Persons, Situations, and their Interactions // Rabin A.I., Aronoff J., Barclay A.M., Zucker R.A. (Eds.) Further Explorations in Personality. N.Y., 1981.
22. Erikson E.H. Young Man Luther: A Study in Psychoanalysis and History. N.Y., 1958.
23. Flacks R. The Liberated Generation: An Exploration of the Roots of Student Protest // Journal of Social Issues. 25. 1967. 25.
24. Freud S. Civilization and its Discontents // Strachey J. (Ed.) The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. 17. L., 1930.
25. Fromm E. Escape from Freedom. N.Y., 1941.
26. George A.L. Some Uses of Dynamic Psychology in Political Biography: Case Materials on Woodrow Wilson // Greenstein F.I., Lerner M. (Eds.) A Source Book for the Study of Personality and Politics. Chicago, 1971.
27. George A.L. Assessing Presidential Character // World Politics. 1974. 26.
28. George A.L. Presidential Decision-making in Foreign Policy: The Effective Use of Advice and Information. Boulder, CO, 1980.
29. George A.L., George J.L. Woodrow Wilson and Colonel House: A Personality Study. N.Y., 1956.
30. Greenstein F.I. Personality and Politics: Problems of Evidence, Inference and Conceptualization. Chicago, 1969.
31. Greenstein F.I. Personality and Politics // Greenstein F.I., Polsby W. (Eds.). The Handbook of Political Science: Micropolitical Theory. Vol. 2. Reading, MA, 1975.
32. Greenstein F.I., Lerner M. A Source Book for the Study of Personality and Politics. Chicago, 1971.
33. Gynther M. White Norms and Black MMPIs: A Prescription for Discrimination // Psychological Bulletin. 1972. 78.
34. Hall C.S., Lindzey G. (Eds.) Theories of Personality. 2nd ed. N.Y., 1970.
35. Hermann M.G. (Ed.) Political Psychology. San Francisco, 1986.
36. Inkeles I. Exploring Individual Modernity. N.Y., 1983.
37. Inkeles I., Levinson D.J. National Character: The Study of Modal Personality // Lindzey G., Aronson E. (Eds.) The Handbook of Social Psychology. Vol. 4. 2nd ed. Reading, MA, 1967.

38. Janis I.L. Groupthink: Psychological Studies of Policy Decisions and Fiascos, 2nd ed. Boston, MA, 1982.
39. Jervis R. Perception and Misperception in International Politics. Princeton, NJ, 1976.
40. Jervis R., Lebow R.N., Stein J. Psychology and Deterrence. Baltimore, MD, 1985.
41. Kaplan A. The Conduct of Inquiry: Methodology for Behavioral Sciences. San Francisco, 1964.
42. Katz D. The Functional Approach to the Study of Attitudes // Public Opinion Quarterly. 1960. 24.
43. Katz I., Benjamin L. The Effects of Authoritarianism on Biracial Work Groups // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1960. 61.
44. Kellerman B. (Ed.) Political Leadership: A Source Book. Pittsburgh, PA, 1986.
45. Kelley S.K., Jr. Interpreting Elections. Princeton, NJ, 1983.
46. Kirscht J.P., Dillehay J.P. Dimensions of Authoritarianism. Lexington, KY, 1967.
47. Kluckhohn C., Murray H.A. Personality Formation: The Determinants // Kluckhohn C., Murray H.A. (Eds.) Personality in Nature, Society and Culture. 2nd ed. N.Y., 1953.
48. Knutson J.N. Handbook of Political Psychology. San Francisco, 1973.
49. Kroeber A.L., Kluckhohn C. Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions // Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology. 47. 1. Cambridge, MA, 1952.
50. Kull S. Minds at War: Nuclear Reality and the Inner Conflict of Defense Policymakers. N.Y., 1988.
51. Landis M. Joseph McCarthy: The Politics of Chaos. Cranbury, NJ, 1987.
52. Lane R.E. Political Ideology: Why the Common Man Believes What He Does. N.Y., 1962.
53. Lasswell H.D. Psychopathology and Politics. Chicago, 1930 (University of Chicago Press Midway Reprint, 1986).
54. Lasswell H.D. Political Character and Constitution. Psychoanalysis and Psychoanalytic Review. 1960. 46.
55. Lasswell H.D., Kaplan A. Power and Society: A Framework for Political Inquiry. New Haven, CT, 1950.
56. Lau R.R., & Sears D.O. (Eds.) Political Cognition. Hillsdale, NJ, 1986.
57. Levinson D.J. Role, Personality, and Social Structure in the Organizational Setting // Journal of Abnormal and Social Psychology. 58. 1959.
58. Lewin K. Principles of Topological Psychology. N.Y., 1936.
59. Lipset S.M. The Activists: A Profile // Bell D., Kristol I. (Eds.) Confrontation: The Student Rebellion and the Universities. N.Y., 1968.
60. Magnusson D., Endler N.S. (Eds.) Personality at the Crossroads: Current Issues in Interactional Psychology. Hillsdale, NJ, 1977.
61. Marcuse H. Eros and Civilization (revised edition). Boston, MA, 1966.
62. Marvick E.W. Louis XIII: The Making of a King. New Haven, CT, 1986.
63. Masters R.D. The Nature of Politics. New Haven, CT, 1989.
64. McClosky H. Personality and Attitude Correlates of Foreign Policy Orientations // Rosenau J.N. (Ed.) Domestic Sources of Foreign Policy. N.Y., 1967.
65. McClosky H., Zaller J. The American Ethos: Public Attitudes toward Capitalism and Democracy. Cambridge, MA, 1984.
66. Merelman R.M. Making Something of Ourselves: On Culture and Politics in the United States. Berkeley, CA, 1984.
67. Murray H.A. Personality: Contemporary Viewpoints: Components of an Evolving Personological System // International Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. 12. N.Y., 1968.
68. Newhill C.E. The Role of Culture in the Development of Paranoid Symptomatology // American Journal of Orthopsychiatry. 1990. 60.
69. Niemy R., Weisberg H.E. Controversies in Voting Behavior. 2nd ed. Washington, DC, 1984.
70. Park B.E. The Impact of Illness on World Leaders. Philadelphia, PA, 1986.
71. Pervin L.A., Lewis M. (Eds.) Perspectives on Interactional Psychology. N.Y., 1978.
72. Peterson R.E., Bilorusky J.A. May 1970: The Campus Aftermath of Cambodia and Kent State. N.Y., 1971.
73. Pratkanis A.R., Breckler S.J., Greenwald A.G. (Eds.) Attitude Structure and Function. Hillsdale, NJ, 1989.
74. Riesman D., Glazer N. Faces in the Crowd: Individual Studies of Character and Politics. New Haven, CT, 1952.
75. Rokeach M. The Open and Closed Mind: Investigations into the Nature of Belief Systems and Personality Systems. N.Y., 1960.
76. Simon H. A. Human Nature in Politics: The Dialogue of Psychology with Political Science // American Political Science Review. 1985. 79.
77. Simonton D.K. Personality and Politics // Pervin L.A. (Ed.) Handbook of Personality: Theory and Research. N.Y., 1990.
78. Smith M.B. A Map for the Study of Personality and Politics // Journal of Social Issues. 1968. 24.
79. Smith M.B., Bruner J.S., White R.V. Opinions and Personality. N.Y., 1956.
80. Sniderman P.M. Personality and Democratic Politics. Berkeley, CA, 1974.

81. Stone W.F. Political Psychology: A Whig History // Long S.L. (Ed.) The Handbook of Political Behavior. Vol. 1. N.Y., 1981.
82. Stone W.F., Schaffner P.E. The Psychology of Politics. 2nd ed. N.Y., 1988.
83. Tucker R.C. The Dictator and Totalitarianism // World Politics. 1965. 17.
84. Tucker R.C. Stalin as Revolutionary, 1879-1929: A Short Study in History and Personality. N.Y., 1973.
85. Tucker R.C. Politics as Leadership. Columbia, MO, 1981.
86. Vertzberger Y.Y.I. The World in their Minds: Information Processing, Cognition, and Perception in Foreign Policy Decision-making. Stanford, CA, 1990.
87. Volcan V.D., Itzkowitz N. The Immortal Atatürk: A Psychobiography. Chicago, 1984.
88. Wallas G. Humane Nature and Politics. 3rd ed. N.Y., 1908.
89. Walter J. The Leader: A Political Biography of Gough Whitlam. St. Lucia, Queensland, 1980.

Примечания

1. Имеется в виду использование проективного психологического теста Г. Роршаха (1884–1922). Инструментом теста является набор из 10 карточек с симметрическими пятнами разных цветов неопределенной формы. Испытуемый должен усмотреть в каждом неопределенном пятне (или группе пятен) какой-то определенный предмет, образ или картину, которые в дальнейшем рассматриваются как проекция отдельных качеств его личности. — *Прим. перев.*

2. *Тимократия* — тип государственного устройства в античном мире, на Крите и в Спарте. Государства такого типа постоянно воевали. — *Прим. перев.*

3. *Залив Свиней* — залив около острова Куба, куда в апреле 1961 г. с помощью ЦРУ высадились кубинские эмигранты. Дж. Кеннеди высказался против открытой военной поддержки этой акции. — *Прим. перев.*

Пер. Т.Н. Самсоновой

В.И. СПИРИДОНОВА

«СИЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО»: ЗАПАДНАЯ И РОССИЙСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Статья посвящена анализу различий американско-западно-европейского и российского понимания «сильного» государства.

Предлагается выделять модели юридически жесткого, но административно слабого государства американского типа и централизованного, обладающего моральным влиянием в обществе, российского государства. Исследуются историко-генетические основания указанного расхождения, а также намечаются контуры преемственности и трансформации идеи «сильной» власти в направлении правового государства и гражданского общества в современной России.

The paper is devoted to analysis of the differences in the American-European and Russian comprehensions of a «strong» state. It is proposed to mark out the models of the state of American type that is juridical «rigid» but administratively weak and the ones of the centralized state of Russian type which has moral influence on the society. Historical and genetic grounds for the

Спиридонова Валерия Игоревна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора философских проблем политики Института философии РАН (Москва).
